

ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ, ЗАНЯТОЙ АРМИЕЙ НАПОЛЕОНА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1812 г.

В статье рассматривается ситуация, которая сложилась в Беларуси в начале войны 1812 г. в результате занятия края армией Наполеона. Православная церковь оказалась в крайне сложном положении. Она утратила свою доминирующую роль в религиозной жизни и вынуждена была приспосабливаться к новым обстоятельствам.

The article deals with the situation that was created at the beginning of the Patriotic War of 1812 as a result of the region's occupation by Napoleon's army. The Orthodox Church faced very difficult circumstances. It had lost its domination in religious practices and had to adapt to the new conditions.

Ключевые слова: церковь, православие, война, противостояние, конфессии.

Keywords: Church, Orthodoxy, war, confrontation, confessions.

Периодические обострения русско-французских отношений в первое десятилетие XIX в. все в большей степени волновали русское общество. Начало второго десятилетия стало еще более беспокойным. Наближавшееся военное столкновение с наполеоновской Францией вселяло большие тревоги в господствующее сословие помещицкой России. Грядущая война увеличивала опасность вспышки антикрепостнических выступлений. С целью укрепления своих позиций будущие противники задолго до 1812 г. начинают борьбу на ниве пропаганды. В России в этот процесс активно включилась православная церковь.

Чтобы как-то парализовать опасные слухи, ходившие в народе о Наполеоне как освободителе, по распоряжению Святейшего Синода он был объявлен с церковного амвона «сыном сатаны», «антихристом» и «лжемессией», «дерзающей против бога и России...». Первая «анафема» против Наполеона была издана еще в декабре 1806 г. и читалась во всех церквях. На основании царского указа Синод составил особое воззвание к верующим, в котором стремился придать предстоящей войне религиозный характер — характер войны против врага имени Христова. Цер-

Літвіноўская Юлія Іванаўна — дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі, кандыдат гістарычных навук.

ковь призывала духовенство внушать «омерзение к тирану, поправшему святость прав народных, законы человечества, глас совести, глас божий в Евангелии запечатленный». Вторая «анафема» появилась уже после вторжения Великой армии в Россию в 1812 г. [6, № 4, с. 42; 12, с. 231].

В канун войны 1812 г. в Беларуси было две православные епархии — Минская и Могилевская. Минская епархия охватывала территорию трех губерний — Минской, Гродненской и Виленской, а также Белостокской области; Могилевская — двух губерний, собственно Могилевской и Витебской. На протяжении многих веков православие на белорусских землях находилось в крайне сложных отношениях с двумя другими христианскими церквями — католической и униатской. Присоединение Беларуси к России в конце XVIII в. обеспечило православной церкви государственную поддержку.

Вторжение армии Наполеона в Россию нарушило благоприятно складывавшийся для православия ход событий. Стабильность православной церкви в Беларуси оказалась под угрозой. Французская армия быстро продвигалась вглубь страны, и русская администрация вынуждена была предпринимать срочные меры по эвакуации. Минский губернатор П. М. Добринский 24 июня принимает меры к высылке в безопасные места наиболее ценного казенного имущества, а чиновникам предложил оставить город [7, с. 3—4].

Минский епископ Серафим собрался очень быстро: в 11 часов вечера, взяв с собой самое ценное из архиерейской церкви, он вместе с соборным духовенством, священником Екатерининской церкви и консисторскими чиновниками на 17 подводках выехал в Смоленск. Архиерейский дом и все что находилось в нем оставлен был под присмотром двух стариков иеромонахов [2, с. XII; 7, с. 4].

Добравшись 2 июля до Смоленска, он принялся 4 июля писать рапорт Святейшему Правительствующему Синоду. «Посему я, взяв с собой принадлежащую дому моему сумму, церковное серебро архиерейской домово́й церкви с тремя большими серебряными подсвечниками — в тамошнюю приходскую Екатерининскую церковь высочайше пожалованными — и лучшие вещи из архиерейской и братской ризницы... принужден был отправиться в 11 часов по полуночи в город Смоленск, яко безопаснейшее место, куда сего июля 2 дня и прибыл. И тут намерен я остаться до тех пор, пока Минская губерния не будет очищена от неприятеля» [8, с. 4].

Соборное имущество также должно было быть вывезено. Для этого с большим трудом удалось достать четыре крестьянские подводки. Но в

силу ряда обстоятельств воспользоваться этим транспортом не удалось. Вот что об этом Серафим сообщал Синоду: «Приказано было мною лучшие церковные вещи вместе с привезенными из Гродно, а равно консисторские нерешенные дела, синодальные указы и прочие самоценнейшие бумаги, кои были сложены в сундуке и запечатаны казенной печатью, вывезти из Минска на четырех крестьянских лошадях, для того приготовленных». Но две лошади у церковников были забраны проезжавшим через Минск офицером продовольственной службы, у которого имелось предписание относительно обеспечения его лошадьми от селения к селению. Остальные лошади по распоряжению военных властей были отправлены в местечко Раков, в 35 км от Минска, и переданы почтовому ведомству. «Других же лошадей, — писал архиепископ, — ни наймом, ни покупкою ни за какие деньги достать в городе невозможно было по той причине, что все наши обыватели выбирались из города... А потому все вышеупомянутые вещи оставлены в Минске» [8, с. 4]. Они были отданы на попечение оставшимся при кафедральном соборе протоиерею Даниилу Петелькевичу и священнику Стефану Бирюковичу.

Важнейшее городское духовенство и члены консистории последовали за архиепископом, а «прочие соборяне, певчие и канцелярские служители распущены по домам», с выдачей всем жалованья вперед за вторую половину года из разных, хранившихся в консистории сумм [11, с. 520].

Вслед за Минском пустели и другие города, лежавшие на пути французских войск. Пинский архимандрит Лазарь, забрав из монастыря деньги и драгоценные церковные вещи, отправился водным путем в Киев. Вице-ректор Слуцкой семинарии протоиерей Лойко «почти пешком» направился в Мозырский повет к Припяти и там, купив лодку, тоже отправился в Киев, где к тому времени уже находился ректор семинарии [11, с. 521].

Минская епархия, объединявшая православные церкви, расположенные в Минской, Гродненской и Виленской губерниях с 1 июля 1812 г., оказалась в составе нового государственного образования, воссозданного Наполеоном Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Отъезд вслед за русскими войсками из Минска церковного руководства, бегство многих православных священников привели к тому, что православная церковь в этих губерниях не имела единого организующего начала.

Широкое использование французскими властями православных церквей и монастырей для обеспечения потребностей армии: лазареты, госпитали, склады продовольствия и вооружения, место постоя солдат в

серьезнейшей степени нанесли ущерб религиозной жизни. Должностные лица православных церквей и монастырей, оставшиеся на месте, вынуждены были, так или иначе, «ладить» с новыми властями.

Правительство ВКЛ с первых дней своей деятельности стремилось использовать духовенство всех конфессий для решения политических целей польского дворянства. В Вильно был образован комитет просвещения под председательством ректора Виленского университета Яна Снядецкого, который призван был решать в том числе и вопросы религии [3, с. 338; 13, с. 253].

7 июля, т. е. уже на седьмой день своего существования, Комиссия временного правительства ВКЛ обратилась со специальным воззванием к духовенству, подчеркнув, что оно является лучшим посредником «для извещения народа о благодеяниях Великого Наполеона». Духовенству предписывалось «приносить вместе с народом моления Всевышнему» за императора французов и за успехи его армии, «а также убеждать народ терпеливо переносить случайные невзгоды, которые в свое время будут вознаграждены». Особое внимание воззвание обращало на работу духовенства среди крестьянства, на необходимость «...ободрять его своим примером и уговаривать продолжать земледельческие занятия и возвратиться в свои дома». Священники должны были внушать крестьянам мысль о необходимости возобновить «постоянное отправление обыкновенных дворовых повинностей (барщины)» и приступить к уборке уцелевшего после прохождения войск хлеба [1, с. 153].

В Минской, Гродненской и Виленской губерниях, которые в качестве департаментов входили в состав восстановленного Наполеоном Великого Княжества Литовского, служители церкви были обложены налогом. Наряду со всеми жителями Княжества духовенство должно было платить так называемый личный налог. 17 сентября 1812 г. Комиссия временного правительства ВКЛ восстановила введенный Конституционным Сеймом 1789 г. единовременный налог с лиц духовного звания, занимающих разные церковные должности. Этот налог состоял из двух частей — гербового и процентного сбора. Гербовый сбор устанавливался в размере от двух червонцев золотом до 1000 червонцев в зависимости от занимаемых должностей. Процентный сбор составлял 5 % с четырехлетнего дохода. Хотя уплата этих сборов по Конституции 1789 г. должна была производиться золотом, правительство ВКЛ разрешило использовать и серебряную монету, считая золотой червонец равным 18 польским злотым и 15 грошам. От этих налогов освобождались только две группы монастырей — ордена проповедников и нищенствующих

братий, а также братства, содержащие больницы. Для уплаты налога был установлен шестимесячный срок [1, с. 187–192].

По-иному развивались события в главном городе другой православной епархии в Беларуси – Могилеве. Ее возглавлял архиепископ Варлаам Шишацкий. В условиях стремительного приближения французских войск он также намеревался покинуть город и удалиться первоначально в небольшое архиерейское имение на левом берегу Днепра в Мстиславльском повете. С просьбой разрешить отъезд Варлаам обратился к Могилевскому гражданскому губернатору графу Д. А. Толстому [1, с. XLV].

Но в губернском центре царила страшная неразбериха. Имела место полная неосведомленность гражданской власти о военной ситуации, положении русских войск. Командующий 2-й Западной армией князь П. И. Багратион снабжал губернатора оптимистической информацией, хотя по Могилеву упрямо циркулировали слухи о приближении французов. Граф Д. А. Толстой находился в полной растерянности. Слабовольный и нерешительный, он боялся без санкции армейского руководства разрешить выезд из города должностным лицам. А чтобы не было самовольных попыток, губернатор распорядился выставить охрану на Луполовском мосту, связывающем днепровские берега [5, с. LXXIX].

Архиепископу Варлааму также было категорически запрещено покидать Могилев. Вынужденный остаться, архиепископ впоследствии выказывал большую обиду на губернское руководство, которое «...местного своего архиерея предохранить не захотело» [1, с. 230]. Но в свою очередь архиепископ так же поступил и по отношению к своим подчиненным. «Я остаюсь и вам всем оставаться», – заявил он священнослужителям и никому не выдал необходимых в таком случае паспортов [1, с. 223]. В результате в момент вступления французских войск в губернский город практически все руководство епархии – члены духовной консистории, все церковнослужители различных рангов оказались на оккупированной территории.

По распоряжению командующего 1-го корпуса Великой армии маршала Даву, войска которого заняли город, для управления Могилевской губернией создавалась временная комиссия. В нее вошли представители польской шляхты. А спустя шесть дней, 13 июля 1812 г. временная комиссия направляет архиепископу предписание осуществить на следующий день, т. е. 14 июля, акт принесения присяги французскому императору могилевским духовенством, дворянством и другими сословиями православного вероисповедания. Причем комиссия требовала, чтобы архиепископ лично провел божественную литургию [1, с. 5–7; 4, с. 525–526].

Мнения руководства епархии по этому вопросу разделились. Секретарь консистории Осип Демьянович обращал внимание на то, что присяга Наполеону несвоевременна. Еще не закончилась война и неизвестно, на чьей стороне будет победа. В случае поражения французов Беларусь опять окажется в составе Российской империи и тогда присягнувшие врагу России будут судимы как изменники. Отвечая, архиепископ заявил: «...ты думаешь, что Россия может благополучно еще быть, пусть же Россия по твоему мнению будет благополучна, а я в то время один буду несчастлив; я велю присягать» [5, с. XC].

После совещания члены консистории направились к маршалу Даву. Первоначально архиепископ Варлаам просил отсрочить время принесения присяги. Французский маршал просьбу решительно отклонил. Церковное руководство вынуждено было подчиниться требованиям властей [5, с. XCI].

14 июля 1812 г. члены консистории, православное духовенство города, дворянство принесли присягу на верность императору французов. В тот же день в костелах и синагогах Наполеону присягнули жители Могилева, принадлежащие к другим вероисповеданиям [1, с. 229; 5, с. LXXXII].

«Я, ниже поименованный, — говорилось в присяге, — клянусь всемогущим Богом в том, что установленному правительству от его императорского величества, французского императора и италийского короля Наполеона, имею быть верным и все повеления его исполнять, и дабы исполняемы были — стараться буду» [1, с. 168, 231].

В последующие дни во все духовные заведения Могилевской епархии были разсланы за подписью архиепископа указания о принесении священнослужителями подобной присяги. Это требование неоднократно подтверждалось [5, с. XCI].

Нельзя сказать, чтобы священники с энтузиазмом встретили данное распоряжение. Они пытались вести себя осторожно. «...Когда архипастырь присягу учинил, то нам и не нужно чинить оныя», — говорил настоятель Могилево-Братского и Буйницкого монастыря архимандрит Иосаф, намекая на принесение присяги архиепископом. Но из архиерейской резиденции в подведомственные заведения беспрепятственно шли напоминания принести присягу и отчитаться об этом перед консисторией.

Большинство духовенства Могилевской губернии, примерно две трети его состава, подчинились давлению архиепископа. Случаи неповиновения были единичны. Так, протоиерей Петропавловской церкви в

Могилеве Алексей Сущинский наотрез отказался присягать Наполеону. Не помогли увещевания Варлаама, посулы всяческих благ. После последовавшей со стороны архиерея угрозы расстрелять непокорного служителя церкви Сущинский вынужден был бежать в Чернигов. Его дом по распоряжению Варлаама был разграблен, а место протоиерея в церкви было отдано другому священнику [1, с. 13, 217, 226].

Не присягнуло духовенство в городах Копысь и Климовичи, и то по чистой случайности. В Копыси на процедуру принесения присяги не явился полицейский чиновник, а это мероприятие должно было проводиться в присутствии светских властей. В Климовичах же священнослужители не поняли предписания из Могилева, как должен проходить акт принятия присяги, и обратились в консисторию за разъяснением. Но посланный с запросом в Могилев церковник не дошел туда, так как по дороге был избит польскими солдатами [1, с. 226, 241].

Полоцкое православное духовенство, в силу сложившихся военных обстоятельств, не смогло выехать из города. Протоиерей Покровского собора Федор Соболевский решил безотлучно оставаться при своей церкви. Вместе с прихожанами он сумел защитить ее от осквернения и разграбления и даже проводить богослужения. Новые власти не решились применить насилие по отношению к престарелому священнослужителю. Удар по Соболевскому был нанесен с другой стороны: его лишили имения, разграбили и сожгли дом и другие постройки усадьбы. На склоне лет священник остался практически нищим.

Второй священник этого же собора Кирилл Дорошкевич находился в армии, мужественно сражался, за что был отмечен генералом Дохтуровым и графом Платовым [9, с. 15—17].

Нарушение присяги российскому государю произошло не во всей епархии. Оно имело место только в пределах Могилевской губернии. В Витебской губернии, входившей в Могилевскую епархию и духовенство которой составляло одну пятую часть епархиального духовенства, этого не было. В сложных условиях военного времени туда не доходили требования Варлаама. Священно- и церковнослужители города Витебска во главе с протоиереем Успенского собора Петром Околовичем успели выехать в Новгород, захватив с собой церковные деньги и драгоценности, архивы духовных учреждений, церковные вещи [9, с. 13].

В Могилеве представители католической церкви пристально следили, чтобы православное духовенство придерживалось принесенной присяги. 22 июля ксендз Кармелитского костела Маевский донес во временную комиссию, что священник Воскресенской церкви Андрей Доб-

ровольский во время богослужения не упоминает имени императора Наполеона. Могилевские власти тут же распорядились взять виновного под арест, произвести расследование и судить. К счастью для Добровольского, донос оказался ложным [5, с. LXXXIII].

Вместе с тем сотрудничество могилевского духовенства с французскими властями не являлось абсолютной гарантией неприкосновенности. Католическое духовенство Могилева распространило в городе слух о якобы готовящемся православным духовенством бунте против французов. Для восстания будто бы уже приготовлено оружие, которое хранится в архиерейской Спасской церкви. Католики настолько убедили в правдивости этих слухов военные власти, что те отдали распоряжение о проведении обыска в архиерейской церкви [10, с. 64].

21 июля в архиерейском дворе появилась группа французских офицеров с ротой солдат. У архиепископа потребовали ключи от Большой Спасской церкви. Французы подозревали наличие в храме оружия. Солдаты взорвали полы, ямами изрыли все подпольное пространство, вскрыли гроб, в котором покоились останки бывшего Могилевского архиепископа Георгия Конисского, осматривали кладовые, отпирали сундуки, в которых хранились церковные драгоценности. Оружия найдено не было. Солдаты забрали только лежавшие возле церкви стволы 8 турецких пушек, подаренных в свое время храму князем Потемкиным для литья колокола [10, с. LXXXII–LXXXIII].

Измена могилевского первосвященника была с большим огорчением воспринята в Петербурге. Александр I был чрезвычайно расстроен этим обстоятельством, фактом сотрудничества православного иерарха столь высокого ранга с противником России. Как глава церкви, царь рассматривал это и как личное оскорбление.

Варлаам Шишацкий объяснял свое поведение в период захвата территории Беларуси французскими войсками опасением, что отказ его, архиепископа, от присяги будет использован противником для преследования православных. А поэтому он решился внешне нарушить присягу государю императору, для того чтобы выполнить ее, на самом деле «сохраняя в спокойствии и тишине врученную мне от монарха моего церковь». В подтверждение правильности своего поступка Варлаам указывал на то, что за время пребывания губернии под французским управлением не было преследований за веру, не были разрушены храмы. Варлаам просил церковное руководство понять мотивы его поступков.

Синод решительно отверг доводы Варлаама. Он обвинил могилевского архиепископа в том, что он, в момент приближения неприятель-

ских войск к городу, не настоял на своих требованиях об отъезде из города служителей церкви, противился уезду своих подчиненных. Синод обратил внимание на то, что формально Варлаама к присяге никто не принуждал. Было только одно предписание временной комиссии, которому архиепископ тотчас же подчинился. Никакого насилия со стороны французских военных властей не было. «...Да ежели бы и было оное, — говорилось в решении Синода, — то тогда следовало ему, архиепископу, поступить по долгу звания своего...» [1, с. 231, 249].

Правительствующий Синод объявил Варлаама клятвопреступником. Он был лишен архиепископского сана и в качестве простого монаха отправлен в Новгород-Северский монастырь в Черниговской епархии, где находился практически на положении заключенного вплоть до своей смерти в 1823 г. [1, с. XXXVIII].

Были произведены изменения в составе высших должностных лиц епархии. Канцелярские служители консистории были сняты с должностей и преданы гражданскому суду. В отношении всех остальных церковнослужителей, присягавших новой власти, в решении Синода было сказано, что они заслуживают равного с архиепископом наказания. Но Синод принял во внимание, что свой проступок они совершили в результате принуждения со стороны Варлаама, и вынес мягкое наказание этой многочисленной группе могилевских священников. Они оставались при своих прежних званиях и должностях, но их вновь приводили к присяге на верность российскому самодержцу и подвергали процедуре очищения совести с помощью священников, не присягавших Наполеону [1, с. 252–253].

Имевшие место события в работах российских историков после войны 1812 г. получили название «могилевской церковной смуты». Явление было единственным в своем роде в жизни православной церкви в период войны 1812 г. Исследователи (Н. Дубровин, И. Павловский, Т. Гильтебрандт, С. Браиловский и др.) видели разные побудительные мотивы поступка одного из церковных иерархов: чрезмерное честолюбие, интриги католического духовенства, стремление возглавить православную церковь на территории государственного образования, которое будет создано после, казалось неминуемой, победы Наполеона. Но практически все склонялись к тому, что дело веры Витебский и Могилевский архиепископ Варлаам Шишацкий смешал с соображениями политики.

Война 1812 г. обнажила острые противоречия, существовавшие среди религиозных конфессий в Беларуси. В особенно сложном положении

оказалась православная церковь. Занимая господствующие позиции в царской России, теперь, на землях, куда вступили войска Наполеона, она оказалась в положении обороняющейся стороны. Без поддержки власти ей было практически невозможно сохранить свой статус в борьбе с католической и униатской церквями. Православная церковь вынуждена была во многих случаях приспособливаться к ситуации и даже сотрудничать с новой властью. Наряду с этим, война явила и немало патриотических поступков священнослужителей православной церкви, еще больше — верности своему пасторскому долгу. После изгнания неприятеля за пределы России правительство Александра I принимает действенные меры по укреплению православной церкви в Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению его императорского высочества великого князя Михаила Александровича / под ред. К. Военского. СПб. : Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1909. Т. 1 : Литва и Западные губернии. 582 с.
2. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912. Т. XXXVII. 544 с.
3. *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1890. 376 с.
4. *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам : в 3 т. СПб. : Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1859—1860. Т. 2. 1860. 654 с.
5. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 2. Приложение. С. 1—СII.
6. *Казаков Н. И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 42—56.
7. *Краснянский В. Г.* Минский департамент Великого Княжества Литовского. СПб., 1902. 72 с.
8. *Лисова Л.* Лыко для Наполеона // Советская Белоруссия. 2002. 26 окт. С. 2.
9. *Матюшенский А.* Униатское и православное духовенство Полоцкой епархии в войну 1812 г. Витебск : Губер. тип., 1913. 22 с.
10. Могилевская епархия. Историко-статистическое описание. Могилев, 1910. Вып. 2. Ч. 2. 376 с.
11. *Рункевич С.* История Минской архиепископии (1793—1832 гг.). СПб. : Тип. А. Котанского, 1893. XVI, 572 с.
12. *Сироткин В. Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804—1815 гг. // Бессмертная эпопея. М. : Наука, 1988. С. 222—242.
13. *Jwazkiewicz J.* Litwa w roku 1812. Kraków i Warszawa : Wydawa Szymon Askenasy, 1912. 442 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19 чэрвеня 2012 г.